

УДК 343.79

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ДЕЯНИЙ, ОПИСЫВАЕМЫХ ст. 238–241 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

К. С. ЗАХИЛЬКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируется содержание ст. 238–241 Уголовного кодекса Республики Беларусь с точки зрения их системного соотношения. Рассматриваются и оцениваются основные позиции по поводу корреляции ст. 238 и 240 названного кодекса. Формулируется проблемное поле несогласованности ст. 240 и ст. 239, 241. На основе обобщения полученных данных предлагается вариант последовательного и непротиворечивого определения в Уголовном кодексе Республики Беларусь круга деяний, относящихся к криминальному банкротству.

Ключевые слова: криминальное банкротство; банкротство; институт банкротства; неплатежеспособность; система норм о криминальном банкротстве.

IN REFERENCE TO THE CORRELATION OF ACTS WHICH ARE DESCRIBED BY art. 238–241 OF THE CRIMINAL CODE OF THE REPUBLIC OF BELARUS

K. S. ZAKHILKO^a

^aBelarusian State University,
4 Niezaliežnasti Avenue, Minsk 220030, Belarus

The content of art. 238–241 of the Criminal Code of the Republic of Belarus from the point of view of the systemic correlation between themselves is analysed. The main positions on the ratio of art. 238 and 240 of the mentioned code are reviewed and evaluated. The problematic field of the inconsistency of art. 240 and art. 239, 241 of the code is formulated. Based on the generalisation of the data obtained, a version of a consistent definition in the Criminal Code of the Republic of Belarus of the acts related to criminal bankruptcy is proposed.

Keywords: criminal bankruptcy; bankruptcy; bankruptcy law; insolvency; criminal bankruptcy norm system.

Образец цитирования:

Захилько КС. К вопросу о соотношении деяний, описываемых ст. 238–241 Уголовного кодекса Республики Беларусь. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2021;1:81–87.

For citation:

Zakhilko KS. In reference to the correlation of acts which are described by art. 238–241 of the Criminal Code of the Republic of Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2021;1:81–87. Russian.

Автор:

Кирилл Сергеевич Захилько – кандидат юридических наук; доцент кафедры уголовного права юридического факультета.

Author:

Kiryl S. Zakhilko, PhD (law); associate professor at the department of criminal law, faculty of law.
zakhilko@bsu.by

Введение

Преступления, описанные в ст. 238–241 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), устойчиво называются большинством исследователей криминальным банкротством, имеют ряд схожих признаков и рассматриваются как функциональное единство¹. Данные нормы являются частью более широкой системы норм Особенной части УК и содержат признаки, позволяющие ставить вопросы о некорректной родовой принадлежности ст. 238–241 УК к гл. 25, а также конкуренции норм о криминальном банкротстве и норм о преступлениях, посягающих на иные объекты. Эти обстоятельства, относящиеся к проблематике взаимосвязи ст. 238–241 с иными статьями Особенной части УК, рассмотрены автором ранее в научных публикациях [1; 2].

Однако изучение системных связей ст. 238–241 УК является неполным без подробной оценки взаимосвязи этих статей. В научных изданиях указанная проблематика применительно к законодательству Республики Беларусь рассмотрена недостаточно

подробно. Исходя из анализа деяния, описанного в ст. 238 УК, ряд исследователей отмечают избыточность данной нормы² [3; 4], однако не продолжают свои рассуждения о соотношении ст. 240 и ст. 239, 241 УК. В некоторых публикациях авторы акцентируют внимание на проблеме соотношения норм о криминальном банкротстве и мошенничестве³ либо ограничиваются анализом других фактических коллизий ст. 238–241 УК с иными его статьями⁴ [3, с. 19–24; 4, с. 94–102]. Отдельные из имеющихся монографических исследований, на наш взгляд, содержат неполный анализ данной проблематики [6].

Таким образом, представляется целесообразным предпринять попытку научного исследования содержания ст. 238–241 УК на предмет их соотношения и критической оценки описываемых в них понятий. Это позволит определить перспективы совершенствования положений УК о преступлениях, связанных с банкротством.

Основная часть

В качестве одного из главных требований к формулированию специальных уголовно-правовых запретов исследователи проблем системы уголовного права указывают четкое соотнесение каждой уголовно-правовой нормы с другими нормами уголовного права [6, с. 221]. Анализ же существующей системы уголовно-правовых норм Особенной части УК и практики их применения позволяет сделать вывод об отсутствии такой возможности применительно к ст. 238–241 рассматриваемого кодекса. Данные нормы сложным образом конкурируют не только с рядом иных положений Особенной части УК, но и между собой. Все вышеперечисленные факторы препятствуют достижению целей уголовной ответственности. Это связано с тем, что фактически указанные статьи не могут быть применены на практике из-за сложности их использования. Рассмотрим обстоятельства, обусловившие сложившуюся ситуацию.

При анализе системы ст. 239–241 УК в первую очередь следует обратить внимание на *соотношение ст. 240 и ст. 238, 239, 241 УК*. Фактически диспозиция ст. 240 УК охватывает деяния, описанные в ст. 239 и 241, а также частично в ст. 238. Данные факты подтверждаются результатами опроса практических специалистов в области уголовного права⁵. Так, 69 % опрошенных считают, что разграничить преднамеренную экономическую несостоятельность (банкротство) (ст. 240 УК), сокрытие экономической несостоятельности (банкротства) (ст. 239 УК) и срыв возмещения убытков кредиторам (ст. 241 УК) затруднительно. 60,7 % из них находят в этом причины, связанные с тем, что признаки, предусмотренные в ст. 240 УК, схожи с рядом признаков, предусмотренных в ст. 239 и 241. 8,3 % опрошенных называют иные причины. Эти же обстоятельства нашли подтверждение в ходе интервьюирования специалистов, которые имели значи-

¹Денисюк М. Е. Криминальное банкротство // Промышл.-торг. право. 2013. № 6. С. 25–28 ; Дубай С. Криминальное банкротство: проблемы правового регулирования // Вестн. Высш. Хозяйств. Суда Респ. Беларусь. 2005. № 20. С. 41–48 ; Смольский А. П. Выявление признаков криминального банкротства: нормативно-правовое регулирование и проблемы правоприменения // Там же. 2013. № 4. С. 83–91 ; Лукашов А. И. Уголовная и административная ответственность за нарушение законодательства об экономической несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2021.

²Хиллота В. В. Ложная экономическая несостоятельность (банкротство) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2021.

³Григорьева Л. В. Уголовная ответственность за мошенничество : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Саратов, 1996. С. 117 ; Журавлева Е. Н. Криминальное банкротство: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Омск, 2006. С. 28 ; Разыграева Е. Н. Криминальное банкротство – форма хищения? // Журн. рос. права. 2017. № 5. С. 97–104.

⁴Хиллота В. В. Ложная экономическая несостоятельность (банкротство) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2021.

⁵Захилько К. С. Уголовно-правовые меры противодействия криминальному банкротству : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Минск, 2020. С. 255–263.

тельный опыт в области выявления и расследования преступлений, предусмотренных ст. 238–241 УК, а также непосредственно осуществляли обобщение практики и процессуальный контроль по данной категории дел.

Рассмотренные факты имеют научно-теоретическое обоснование.

Действия, направленные на увеличение неплатежеспособности субъекта хозяйствования (признаки деяния, предусмотренные в ст. 240 УК), могут совершаться при уже существующей неплатежеспособности, имеющей или приобретающей устойчивый характер. В таком случае увеличение неплатежеспособности, направленное на причинение ущерба, может происходить путем сокрытия, отчуждения, уничтожения или повреждения имущества (признаки, предусмотренные в ст. 241 УК).

Реальное совершение преступления, предусмотренного ст. 239 УК, может осуществляться только путем хозяйственных операций или иных реальных действий с активами хозяйствующего субъекта, совершенных после сокрытия неплатежеспособности, имеющей или приобретающей устойчивый характер⁶. Само по себе сокрытие неплатежеспособности не может находиться в необходимой причинной связи с причинением ущерба кредиторам [8, с. 16–18]. Если учесть эти обстоятельства, то самостоятельное значение ст. 239 УК исчезает, так как действия, влекущие причинение ущерба при сокрытии банкротства, совпадают с действиями, влекущими причинение ущерба при преднамеренном банкротстве. Отличие заключается лишь в том, что сокрытие банкротства совершается после появления признаков неплатежеспособности, имеющей или приобретающей устойчивый характер, определенных исходя из весьма формализованных критериев постановления Совета Министров Республики Беларусь от 12 декабря 2011 г. № 1672 «Об определении критериев оценки платежеспособности субъектов хозяйствования». Как убедительно проиллюстрировано в научной литературе, данный критерий не должен выступать в качестве разграничительного в рассматриваемых нормах, поскольку само его использование в УК весьма неудачно и создает трудноразрешимые проблемы при правоприменении⁷.

При соотношении содержания диспозиций ст. 240 и ст. 239, 241 УК можно прийти к выводу, что деяния,

предусмотренные ст. 239 и 241 УК, могут не охватываться ст. 240 только в том случае, если они *совершаются не в личных интересах или интересах иных лиц*. Учитывая, что понятия «личные интересы» и «интересы иных лиц» весьма широкие, а также принимая во внимание, что деяния, предусмотренные ст. 239 и 241 УК, всегда совершаются с целью извлечения материальной или нематериальной выгоды для себя или иных лиц (представить себе иные ситуации весьма затруднительно), можно утверждать, что ст. 240 фактически выступает более общей нормой по отношению к ст. 239 и 241 УК. На это обстоятельство обращали внимание российские исследователи, отмечая обоснованность исключения в 2005 г. из ст. 196 Уголовного кодекса Российской Федерации (аналогичной ст. 240 УК) рассматриваемого субъективного признака [8, с. 612]. Стоит подчеркнуть и тот момент, что исключение данного признака, по мнению специалистов, привело к тому, что ст. 196 стала неотличимой от ч. 1 ст. 195 Уголовного кодекса Российской Федерации (аналогична ст. 241 УК) и на сегодняшний день ни практика, ни доктрина уголовного права не могут дать четкого, основанного на законе критерия для их разграничения [8, с. 612].

Такое соотношение подтверждается анализом криминообразующих признаков соответствующих деяний, анализом истории развития норм о криминальном банкротстве⁸. Исторически нормы о криминальном банкротстве возникли как нормы о виновном (в том числе умышленном) банкротстве⁹. В последующем по мере развития законодательства происходит постепенный отказ от норм об умышленном банкротстве и их замена на более конкретные варианты общественно опасных деяний, связанных с банкротством [9, с. 17–19]. Наряду со ст. 240 УК существуют три таких конкретизированных нормы: ст. 238, 239 и 241. Две из них фактически являются специальными по отношению к преднамеренному банкротству, а ст. 238 УК, как будет рассмотрено ниже, признает уголовно-противоправным один из этапов преднамеренного банкротства.

В инструкции «О порядке определения наличия (отсутствия) признаков ложной экономической несостоятельности (банкротства), преднамеренной экономической несостоятельности (банкротства), сокрытия экономической несостоятельности

⁶Захилько К. С. Уголовно-правовые меры противодействия криминальному банкротству : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Минск, 2020. С. 255–263.

⁷Подробнее см.: Захилько К. С. Неплатежеспособность, имеющая или приобретающая устойчивый характер, как признак объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 238–241 УК // Предварит. расследование. 2018. № 2. С. 62–69 ; Захилько К. С. О некоторых проблемах определения содержания бланкетных признаков преступлений, предусмотренных в ст. 238–239, 241 УК, в законодательстве и правоприменении // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. тр. / НПЦ Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь; редкол. : А. С. Рубис (гл. ред.) [и др.]. Минск : Право и экономика, 2018. Вып. 2/44. С. 23–31.

⁸Захилько К. С. Уголовно-правовые меры противодействия криминальному банкротству : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Минск, 2020. С. 14–74.

⁹Там же. С. 66–67.

(банкротства) или препятствования возмещению убытков кредитору, а также подготовки экспертных заключений по этим вопросам», утвержденной постановлением Министерства экономики Республики Беларусь от 4 декабря 2012 г. № 107 (далее – инструкция № 107), процедура выявления признаков преступлений, предусмотренных ст. 240, 241 УК, обобщена в главе 3. В соответствии с п. 15 и 17 инструкции № 107 при выявлении признаков указанных преступлений, помимо расчета коэффициентов платежеспособности, необходим анализ деятельности должника на предмет заключения сделок на заведомо невыгодных условиях (занижение или завышение цены (тарифа) за поставляемые (приобретаемые) товары (работы, услуги) по сравнению со сложившейся рыночной конъюнктурой, заведомо невыгодных для должника сроков и (или) способов оплаты по реализованному (приобретенному) имуществу; отчуждения (обременение обязательствами) имущества должника, если оно не сопровождается эквивалентным сокращением задолженности; предоставления имущества должника в пользование иным лицам безвозмездно или с заниженным размером вознаграждения по сравнению со сложившейся рыночной конъюнктурой; списания имущества должника с нарушением установленного законодательством порядка его списания; установления заработной платы и иных связанных с исполнением трудовых обязанностей выплат в размере, не обоснованном результатами деятельности и (или) с нарушением требований законодательства); совершения иных действий, направленных на уменьшение стоимости или размера имущества должника либо на увеличение размера платежных обязательств к должнику.

Указанные положения, равно как и сформулированные в инструкции № 107 критерии выявления преступлений, одинаковы для деяний, предусмотренных ст. 240, 241 УК. Это обстоятельство следует связывать с тем, что оба указанных деяния являются весьма схожими по своему существу и направленности, а также выявляются одинаковым образом.

Далее следует рассмотреть *соотношение ст. 238 и ст. 240 УК*. При его анализе можно прийти к выводу, что ст. 238 конкурирует со ст. 240 УК, так как норма о ложном банкротстве описывает один из этапов наступления преднамеренного банкротства. Данный тезис можно обосновать следующим образом.

При совершении преступления, предусмотренного ст. 238 УК, осуществляется искажение сведений о «неплатежеспособности должника, имеющей или приобретающей устойчивый характер». Данная информация содержится в заявлении об экономической несостоятельности (банкротстве) (далее – заявление должника).

Форму и содержание заявления должника, а также документы, прилагаемые к нему, можно найти

в ст. 27 и 28 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)». Внесение недостоверных сведений возможно как в отдельные структурные элементы самого заявления должника, так и в любые прилагаемые документы [10, с. 133]. В само заявление (как отдельный документ) вносится лишь ряд обобщенных сведений. Основная информация, изучаемая экономическим судом и действительно указывающая на наличие оснований для подачи заявления, содержится в прилагаемых документах.

Внесение недостоверных сведений в заявление при реальном совершении ложного банкротства предполагает *необходимость одновременной фальсификации прилагаемых к нему документов*, подтверждающих данные сведения. В соответствии с указанными выше положениями законодательства к таким документам относятся следующие:

- документы, подтверждающие наличие задолженности, а также неспособность должника удовлетворить требования кредиторов в полном объеме либо подтверждающие иные обстоятельства, на которых основывается заявление должника;
- список кредиторов и должников заявителя с расшифровкой кредиторской и дебиторской задолженностей;
- бухгалтерские балансы за последние четыре квартала или книга (книги) учета доходов и расходов за последние 12 календарных месяцев.

В свою очередь фальсификация большинства указанных сведений предполагает умышленное искажение сведений в документах, на основании которых они формируются. Для искажения сведений бухгалтерской (и иной) отчетности необходимо искажение данных бухгалтерского (и иного) учета, в том числе первичных учетных документов. Такие действия необходимы и при фальсификации документов, подтверждающих наличие задолженности (договоры и т. д.). Подобные искажения неизбежно должны сопровождаться и реальными действиями по сокрытию или незаконному отчуждению имущества или прав на него. В противном случае шансы на реальный успех в достижении преступной цели отсутствуют.

В научной литературе [3, с. 23; 4, с. 97; 11, с. 117] последовательно объясняется, что реальное совершение преступления, предусмотренного в ст. 238 УК, возможно только путем ряда взаимосвязанных деяний, имеющих два самостоятельных этапа:

- действие или бездействие должника, создающее условия для совершения рассматриваемого преступления (сокрытие имущества или имущественных обязательств, сведений об имуществе, его размере, местонахождении или иной информации об имуществе, передача имущества в иное владение, отчуждение или уничтожение имущества, сокрытие, уничтожение, фальсификация бухгалтерских и иных

учетных документов, отражающих экономическую деятельность субъекта хозяйствования);

- следующая за указанными выше действиями подача заведомо ложных сведений о своей экономической несостоятельности (банкротстве) в экономический суд.

Как видно, деятельность при ложном банкротстве представляет собой сложный вариант поведения, состоящий из ряда этапов. В целом это поведение не ограничивается искажением сведений, позволяющих обратиться в суд с заявлением об экономической несостоятельности (банкротстве). Первый этап ложного банкротства описывается признаками объективной стороны преднамеренного банкротства. Учитывая, что ложное банкротство направлено на признание должника банкротом (на что указывает специальная цель, отраженная в ст. 238 УК), фактически оно отлично от преднамеренного банкротства только способом его совершения.

Особенно актуальной рассматриваемая проблема соотношения ст. 238 и 240 УК станет после вступления в силу Закона Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 85-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» (далее – Закон № 85-З). Данным законом в ст. 238 УК будет включен дополнительный признак «причинение ущерба в крупном размере». С этого момента деяния, описанные в ст. 238, 240 УК, становятся фактически идентичными, несмотря на искусственный поиск исследователями логических правил для обоснования их отличий. Указанным шагом белорусский законодатель повторяет российский опыт, который довольно давно и обоснованно раскритикован исследователями.

Ст. 197 Уголовного кодекса Российской Федерации криминализует «публичное объявление» субъектом хозяйствования о несостоятельности, если оно является заведомо ложным и причиняет крупный ущерб. Данная норма является атавизмом («публичное объявление» банкротства существовало в законодательстве о банкротстве Российской Федерации на момент его формулирования, однако на сегодняшний день такой институт отсутствует) и справедливо критикуется российскими исследователями. Весьма распространена позиция о необходимости ее исключения из-за несоответствия действующему законодательству о банкротстве (механизм публичного объявления о несостоятельности на сегодняшний день отсутствует) и несовершенства объективной стороны состава (практика применения нормы единична, фактически норма является «мертвой») [8, с. 412–414]. В связи с этим шаг белорусского законодателя в сторону российского опыта, предпринятый в соответствии с Законом № 85-З, выглядит весьма сомнительным. Ду-

мается, что он был осуществлен из-за стремления к очередной «бескровной» декриминализации без должного анализа истории и практики применения ст. 197 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Рассмотренные обстоятельства, связанные с соотношением ст. 240 и ст. 238 УК, порождают в научной литературе некоторые дискуссии. Большинство исследователей отмечают, что норма о ложном банкротстве является излишней, так как описанное в ней деяние в зависимости от обстоятельств следует рассматривать как преднамеренное банкротство или же как препятствование возмещению убытков кредиторам. Это, как уже отмечалось выше, связывается с тем обстоятельством, что действия, предвещающие ложное банкротство, можно рассматривать в качестве стадии совершения указанных преступлений [12, с. 20; 13, с. 63; 14, с. 69; 15, с. 294].

Единичные ученые отвергают данный подход. Они указывают, что «ложную экономическую несостоятельность следует отличать от иных составов криминального банкротства, поскольку при преднамеренном банкротстве или при воспрепятствовании возмещению убытков кредиторам мы имеем дело с реальной неплатежеспособностью должника (т. е. она существует *de-fakto*). При ложном же банкротстве неплатежеспособность должника является мнимой, она вообще отсутствует»¹⁰. Согласиться с этой позицией весьма сложно с учетом рассмотренных выше обстоятельств, характеризующих этапы совершения ложного банкротства. «Мнимая» неплатежеспособность фальсифицируется путем совершения сложного комплекса действий, в результате которых имущество выбывает из фондов юридического лица.

Самостоятельное значение ст. 238 УК (в отличие от ст. 240) имеет лишь в той части, когда подаваемые в суд сведения искажаются таким образом, что у лица появляется фиктивное право на обращение в экономический суд с заявлением должника, но не так, чтобы это повлекло невозможность удовлетворения требований кредиторов о сумме, превышающей крупный размер. Например, лицо стремится фиктивно вовлечь хозяйствующий субъект в процедуры банкротства, но не стремится избежать исполнения им обязательств в ходе этих процедур. Видится, что противодействие подобным деяниям возможно с использованием норм о подлоге (ст. 380, 427 УК) и фальсификации доказательств (ст. 395 УК), которые совершаются при искажении сведений, предоставляемых в суд. После вступления в силу Закона № 85-З такая ситуация перестанет подпадать под признаки, указанные в ст. 238 УК. В связи с этим следует согласиться с давно обоснованной позицией исследователей о необходимости исключения нормы о ложном банкротстве из УК, тогда как

¹⁰Хилота В. В. Ложная экономическая несостоятельность (банкротство) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2021.

ответственность за такие деяния должна наступать в соответствии с иными нормами о криминальном банкротстве¹¹, тем более что после вступления в силу Закона № 85-З весомая аргументация российских ученых относительно несостоятельности конструкции ст. 197 Уголовного кодекса Российской Федерации становится полностью применимой и в отношении ст. 238 УК.

В контексте сказанного выше становится заметно, что надлежащее согласование ст. 238–241 УК путем их корректировки едва ли возможно и целесообразно. Разграничение указанных статей путем определения в них специфических способов криминального банкротства будет упираться в наличие фактически общей и устаревшей как явление нормы о преднамеренном банкротстве. Корректировка неудачной диспозиции ст. 239 УК, которая разделяет описываемое в ней поведение и последствия в виде ущерба, приведет к тому, что деяние будет охватываться ст. 241 УК, так как реальное преступление, предусмотренное ст. 239 УК, может совершаться только путем хозяйственных операций или иных реальных действий с активами хозяйствующего субъекта, совершенных после сокрытия неплатежеспособности, имеющей или

приобретающей устойчивый характер. Излишний характер ст. 238 УК, обусловленный тем обстоятельством, что описанное в ней деяние представляет собой один из этапов уклонения от исполнения обязательств путем злоупотребления институтом банкротства, давно и убедительно обоснован в научной литературе.

Рассмотренные обстоятельства предопределяют поиск направления для решения сложившихся проблем. Возможный подход, основанный на переработке и объединении уголовно-правовых запретов криминального банкротства в одной статье, предложен и обоснован автором ранее в диссертационном исследовании¹² и научных статьях [1; 2; 16]. В рамках реализации такого подхода ст. 238–241 следует исключить из УК. Деяния, причиняющие существенный вред порядку деятельности хозяйствующих субъектов, установленному законодательством об экономической несостоятельности (банкротстве), и отвечающие разработанному в научной литературе криминологическому понятию криминального банкротства и системе его криминообразующих признаков¹³, подлежат сведению в одну статью, санкция которой будет отвечать уровню их общественной опасности.

Заключение

Дробление уголовно-правовых запретов криминального банкротства на части путем изложения их в нескольких статьях Особенной части УК (ст. 238–241) в существующем виде вызывает неразрешимые проблемы при уголовно-правовой оценке деяний. Это препятствует дальнейшему развитию уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступления, совершаемые в связи с экономической несостоятельностью (банкротством). Для выхода из этой ситуации необходимо осуществить корректировку законодательства.

Учитывая функциональную и историческую связь ст. 238–241 УК, при совершенствовании уголовно-правовых мер противодействия криминальному банкротству внутреннее согласование положений о криминальном банкротстве предлагается осуществлять путем их формулирования в одной статье в качестве альтернативных вариантов деяния, соответствующих разработанному в научной литературе криминологическому понятию криминального банкротства и системе его криминообразующих признаков.

Библиографические ссылки

1. Захилько КС. Проблемы классификации норм о преступлениях против порядка осуществления экономической деятельности. В: Лапцевич ИИ, редактор. *20 лет Уголовному кодексу Республики Беларусь: проблемы применения и направления совершенствования*. Минск: ИВЦ Минфина; 2019. с. 72–80.
2. Захилько КС. Нормы о криминальном банкротстве в системе норм о преступлениях против порядка осуществления экономической деятельности. В: Суша НВ, редактор. *Актуальные проблемы науки XXI века. Выпуск 8*. Минск: Минский инновационный университет; 2019. с. 76–82.
3. Векленко С, Журавлева Е. Нормы об ответственности за банкротство: новая редакция – новые проблемы. *Уголовное право*. 2006;5:19–24.
4. Мыцких Н, Мыцких В. Проблемные вопросы применения правил по определению признаков криминальных банкротств. Ложное банкротство. *Вестник Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь*. 2004;16:94–102.
5. Хилюта ВВ. *Криминальное банкротство: уголовно-правовые средства противодействия преступному переделу собственности*. Гродно: ГТАУ; 2014. 228 с.

¹¹Клепицкий И. А. Объект и система имущественных преступлений в связи с реформой уголовного законодательства России : автореферат дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 1995. С. 9–10.

¹²Захилько К. С. Уголовно-правовые меры противодействия криминальному банкротству : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Минск, 2020. 268 с.

¹³Там же. С. 50–55.

6. Кленова ТВ. *Основы теории кодификации уголовно-правовых норм*. Самара: Самарский университет; 2001. 240 с.
7. Захилько КС. Момент окончания криминального банкротства и значение взглядов И. С. Тишкевича о неоконченном преступлении для его определения. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2018;3:15–20.
8. Лопашенко НА. *Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ. Часть II*. Москва: Юрлитинформ; 2015. 40 с.
9. Захилько КС. Нормы о криминальном банкротстве в Уголовном кодексе Республики Беларусь в контексте развития института банкротства. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2019;2:17–24.
10. Лукашов АИ, редактор. *Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь (изменения и дополнения 1993–94 гг.)*. Минск: РИА Репринт; 1994. 240 с.
11. Хаупшев АХ, Тутуков АЮ. Обман как способ совершения преступлений, связанных с банкротством. *Общество и право*. 2010;4:114–119.
12. Беркович Н. Фиктивная ответственность за фиктивное банкротство. *Законность*. 2006;1:19–21.
13. Горелов АП. Можно ли применять нормы об ответственности за преступления в сфере банкротства? *Законодательство*. 2004;1:61–67.
14. Михалев И. О фиктивном банкротстве. *Уголовное право*. 2006;5:65–69.
15. Клепицкий ИА. *Система хозяйственных преступлений*. Москва: Статут; 2005. 572 с.
16. Захилько КС. К вопросу о проблемах уголовно-правовых мер противодействия криминальному банкротству и путях их решения. *Труд. Профсоюзы. Общество*. 2020;2:50–55.

References

1. Zakhilko KS. [Problems of classification of norms on crimes against the order of economic activity]. In: Laptsevich II, editor. *20 let Ugolovnomu kodeksu Respubliki Belarus': problemy primeneniya i napravleniya sovershenstvovaniya* [20 years of the Criminal Code of the Republic of Belarus: problems of application and directions for improvement]. Minsk: IVTs Minfina; 2019. p. 72–80. Russian.
2. Zakhilko KS. [Norms on criminal bankruptcy in the system of norms on crimes against the order of economic activity]. In: Susha NV, editor. *Aktual'nye problemy nauki XXI veka. Vypusk 8* [Actual problems of science of the 21st century. Issue 8]. Minsk: Minsk Innovative University; 2019. p. 76–82. Russian.
3. Veklenko S, Zhuravleva E. [Norms on liability for bankruptcy: new edition – new problems]. *Ugolovnoe pravo*. 2006; 5:19–24. Russian.
4. Mytskikh N, Mytskikh V. [Problematic issues of the application of rules for determining the signs of criminal bankruptcies. False bankruptcy]. *Vestnik Vysshego Khozyaistvennogo Suda Respubliki Belarus'*. 2004;16:94–102. Russian.
5. Khilyuta VV. *Kriminal'noe bankrotstvo: ugolovno-pravovye sredstva protivodeistviya prestupnomu peredelu sobstvennosti* [Criminal bankruptcy: criminal-legal means of counteracting criminal redistribution of property]. Hrodna: Grodno State Agrarian University; 2014. 228 p. Russian.
6. Klenova TV. *Osnovy teorii kodifikatsii ugolovno-pravovykh norm* [Foundations of the theory of codification of criminal law]. Samara: Samara University; 2001. 240 p. Russian.
7. Zakhilko KS. The moment of the criminal bankruptcy completing and I. S. Tishkevich doctrine of the unfinished crime value for this moment determining. *Journal of the Belarusian State University. Law*. 2018;3:15–20. Russian.
8. Lopashenko NA. *Prestupleniya v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti: teoreticheskii i prikladnoi analiz. Chast' II* [Crimes in the sphere of economic activity: theoretical and applied analysis. Part 2]. Moscow: Yurлитинформ; 2015. 40 p. Russian.
9. Zakhilko K. Criminal bankruptcy rules in Criminal Code of the Republic of Belarus in the context of bankruptcy law evolution. *Journal of the Belarusian State University. Law*. 2019;2:17–24. Russian.
10. Lukashov AI, editor. *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Respubliki Belarus' (izmeneniya i dopolneniya 1993–94 gg.)* [Commentary on the Criminal Code of the Republic of Belarus (amendments and additions 1993–94)]. Minsk: RIA Reprint; 1994. 240 p. Russian.
11. Haupshev AH, Tutukov AYU. Fraud behavior as the method of fulfillment of crimes connected with bankruptcy. *Obshchestvo i pravo*. 2010;4:114–119. Russian.
12. Berkovich N. [Fictitious liability for fictitious bankruptcy]. *Zakonnost'*. 2006;1:19–21. Russian.
13. Gorelov AP. [Can the rules on liability for crimes in the field of bankruptcy be applied?]. *Zakonodatel'stvo*. 2004;1: 61–67. Russian.
14. Mikhalev I. [About fictitious bankruptcy]. *Ugolovnoe pravo*. 2006;5:65–69. Russian.
15. Klepitskii IA. *Sistema khozyaistvennykh prestuplenii* [System of economic crimes]. Moscow: Statute; 2005. 572 p. Russian.
16. Zakhilko KS. [On the issue of the problems of criminal law measures to counter criminal bankruptcy and ways to solve them]. *Труд. Профсоюзы. Общество*. 2020;2:50–55. Russian.